

*Моей любимой маме Мэри Хэмсон,
которой также был посвящен «Остров»
28 мая 1927 года — 17 марта 2020 года*

Глава 1

Для многих женщин беременность означает хорошее самочувствие и радостное ожидание, но для Анны Вандулакис¹ эта пора превратилась в череду страданий и приступов тошноты. По настоянию врачей первые три месяца Анна провела в постели, поскольку иного способа сохранить ребенка не было. Эти нескончаемые недели лишили молодую женщину жизненной силы — фарфоровая кожа утратила гладкость, а длинные локоны не только перестали блестеть, но и выпадали горстями.

Как только акушерка подтвердила, что угроза выкидыша миновала, муж Анны Андреас пригласил всех работников поместья выпить лучшего вина прошлого урожая. Более сотни человек собрались перед домом на

¹ Здесь и далее греческие женские фамилии приводятся в написании автора. Также по воле автора сделаны небольшие изменения в написании греческих имен и названий по сравнению с романом «Остров» (см. Послесловие). — *Здесь и далее примеч. перев.*

холмах Элунды, чтобы поднять бокал за будущего ребенка. Появление долгожданного наследника предвкушали все, ведь дальнейшее богатство и процветание обширного поместья, принадлежавшего семье Вандулакис, зависело в том числе и от продолжения рода. Поэтому многие были озабочены тем, чтобы Андреас Вандулакис и его жена Анна поскорее произвели на свет наследника.

Анна к гостям не вышла. Сквозь кисейные занавески в спальне она наблюдала за тем, как двоюродный брат мужа Манолис прибыл на праздник первым, а ушел последним. Женщина ни на мгновение не отрывала от мужчины глаз и была уверена, что и он постоянно поглядывал в ее сторону. Но даже это не помогло развеять самый большой страх Анны: быть забытой.

Исключая этот эпизод на празднике в честь будущего наследника, Анна за время беременности ни разу не встречалась с Манолисом. Тот, кому она хотела нравиться, не должен видеть ее такой невзрачной! И она злилась на своего еще не родившегося ребенка за то, что он требует от нее таких жертв.

Последние недели перед родами женщина вновь оказалась прикована к постели. Ребенок лежал в утробе неправильно, спиной к позвоночнику матери, и сами роды были болезненными и травматичными. Тощенький младенец уже не казался таким желан-

ным, поскольку кричал почти без остановки и днем и ночью. Измученная Анна в конце концов заявила, что отказывается кормить грудью и им следует поискать кормилицу.

Рождение дочери не уменьшило ненависти Анны к себе. Чуть ли не за одну ночь статная, пышная женщина превратилась в мешок с костями. Ей было невыносимо видеть себя в зеркале, а ведь раньше она часами могла любоваться своим отражением. Разительная метаморфоза! В нынешней Анне мало кто узнал бы Анну прежнюю, сияющую красотой. Андреаса встревожила подобная перемена в супруге, и он спросил у своей матери: нормально ли это — после родов впасть в острую депрессию? Элефтерии пришлось признать: с невесткой что-то не так. Недавно матерями стали сестры Андреаса, и обе сразу же с упоением погрузились в новые заботы. Элефтерия полагала, что и Анну захватит радость материнства. Пожилую женщину страшно удивило, что невестка отказалась пригласить своего отца взглянуть на новорожденную. Хотя в их доме он не был желанным гостем, Элефтерия находила странным, что Гиоргосу Петракису даже не дали возможности увидеть внучку. Ведь в конце концов, рассуждала женщина, он заслужил немного счастья, учитывая, что младшая дочь Гиоргоса Мария оставалась в лепрозории на Спиналонге — острове, где несколько лет назад

скончалась его жена, мать обеих сестер. Однако решение было за Анной, и Элефтерия не собиралась вмешиваться.

Однажды, дней через десять после рождения малышки, Андреас пришел домой немного позже обычного. Он наклонился, чтобы поцеловать жену в щеку, но та привычно отвернулась от мужа.

— Я ходил к священнику, — пояснил Андреас, — договориться насчет крещения.

Анна не стала возражать. Поскольку супруга отказывалась выходить из дому, Андреас был вынужден заниматься вопросами организации торжества самостоятельно. В семье Вандулакис было принято крестить детей в течение нескольких недель после рождения. Даже небольшое отступление от этих сроков нарушало традицию.

— Я также подумал насчет того, кто должен стать крестным отцом нашей малышки, — сказал он без лишних церемоний, — и считаю, что нам следует пригласить Манолиса. Он наш родственник, и мне кажется, он будет лучшим защитником для нашей дочери.

Конечно, кого еще, кроме Манолиса, могли они выбрать на роль *ноноса*¹, ведь ни у Анны, ни у Андреаса не было близких друзей. Однако женщина в глубине души радовалась, что не сама предложила его кандидатуру.

¹ *Нонос* — крестный отец.

— Прекрасная идея, — отозвалась Анна. — Спросишь у него завтра?

И Андреас впервые за много месяцев увидел на лице своей жены улыбку.

Той ночью Анна впервые за долгое время заставила себя посмотретья в зеркало — и в ужасе отпрянула. Ее кожа была сухой и болезненно-желтоватой, под глазами залегли лиловые тени. Волосы, которыми она когда-то так гордилась, стали тонкими и безжизненными. А куда подевалась роскошная фигура?! Анна испытала настоящий шок от увиденного, но теперь, когда у нее появился стимул, решила вернуть себе восторженные взгляды окружающих, доставлявшие ей ни с чем не сравнимое удовольствие, — взгляды, которые поднимали ее на пьедестал внимания и восхищения. Крещение станет для нее отличным поводом наконец-то выйти в свет, а также впервые за много месяцев увидеться с Манолисом.

Эти мысли так взбудоражили Анну, что она немедленно взялась за себя: начала лучше питаться, больше гулять на свежем воздухе, пользоваться кремами для лица и втирать оливковое масло в волосы, чтобы они снова стали блестящими и шелковистыми. Кроме того, Анна пригласила к себе в дом портного: сшить новое платье к предстоящему торжеству.

Как только Анна опять начала крутиться перед зеркалом, вместо того чтобы отвора-

чиваться от него, женское тщеславие сполна вернулось к ней. Хотя она все еще оставалась сравнительно худой, ее грудь обрела округлость и прекрасно контрастировала с более тонкой, чем прежде, талией.

Анна с головой погрузилась в практические приготовления к крещению: она продумывала угощение, различные наряды для малышки, подарки для гостей, подбирала цветы и музыку. Крестины должны были стать грандиозным событием. На службу в церковь Элунды пригласили огромное количество гостей, а на торжества после крестин — и того больше.

Конец сентября Анна встретила во всеоружии. Она была воодушевлена и взволнована. Новое платье из малинового шелка подчеркивало ее фигуру и льстило вновь обретенным формам.

Чета Вандулакис вместе с малышкой прибыла в церковь, уже полную гостей. В первых рядах сидели остальные Вандулакисы. Глава семьи Александрос держался прямо и с достоинством. Элефтерия, его жена, элегантная и сдержанная, не выказывала никаких эмоций даже сегодня, в этот особенный для ее внучки день. Ольга, старшая из двух сестер Андреаса, вместе со своим мужем Лефтерисом пыталась успокоить своих четверых непослушных отпрысков. Ирини, младшая сестра Андреаса, с двухлетней дочкой на ко-

лениях, нервно оглядывалась в поисках мужа — в конце концов тот появился, когда прошла добрая половина службы.

Среди гостей также были многочисленные юристы, работавшие на Вандулакисов, банкиры, управлявшие деньгами этой состоятельной семьи, а также мэры и члены городского совета Элунды, Айос-Николаоса и Неаполи. Все они выглядели весьма официально: мужчины пришли в костюмах, а женщины — в сшитых на заказ платьях. Кроме того, на крестинах присутствовали работники поместья, управляющие, поставщики сельхозтехники, скота и прочего. Все они стояли позади почетных гостей, и обе группы людей разделяла почти видимая постороннему взгляду граница — настолько они различались. У первых одежда была сшита из тонкой ткани высокого качества, вторые же явились в костюмах более простого кроя, из грубоватой материи.

Лишь один член семьи Вандулакис оживленно беседовал как с женами банкиров, так и с работниками поместья. Это был крестный отец новорожденной.

Как только Анна вошла в церковь, все взгляды устремились на нее.

— *Панагия му*, Матерь Божия, — прикрыв рот рукой, прошептала Ольга на ухо сестре, — что это на ней надето?

— Поверить не могу! — Ирини была потрясена нарядом невестки не меньше сестры.

— Ярко-красный на крестинах? Не слишком ли вульгарно? — возмущалась Ольга.

— Согласна, это перебор, — кивнула Ирина. — Впрочем, вполне в духе Анны...

Малиновый очень шел молодой женщине. Она выглядела в новом платье потрясающе и знала это. Столь яркий и насыщенный цвет создавал вызывающий контраст с ее бледной кожей и волосами оттенка темного шоколада, а вишневая помада, которая подходила далеко не многим женщинам, была смелым акцентом, завершающим образ.

И хотя все взгляды были устремлены на Анну, она не замечала никого, кроме Манолиса. Они давно не виделись, и долгожданная встреча привела обоих в возбуждение. Манолис не мог оторвать восторженного взгляда от своей невестки.

— Анна, думаю, обычай требует... — прервал этот безмолвный диалог Андреас, протягивая своей супруге небольшой белый сверток.

Она, не обращая на мужа ровным счетом никакого внимания, смотрела куда-то вдаль.

— Анна? — позвал Андреас и раздраженно повторил: — Анна!

Ноги ее так тряслись, что она едва могла стоять. Вздвогнув, молодая женщина повернулась к мужу и взяла у него дочь. К ним приблизился Манолис — вскоре ему предстояло стать самой важной после родителей фигу-

рой в жизни этой малышки. Он наклонился, чтобы поцеловать свою будущую крестницу в щеку.

Анна судорожно втянула поздырями воздух, вдыхая его запах. Мыло? Полевые травы? Любимый Манолисом сорт табака? Если бы ее руки были свободны, она бы непременно запустила пальцы в его волосы. Однако на сей момент хватало и легкого прикосновения его рукава к ее обнаженному локтю.

Краем глаза Анна заметила, как Манолис пожирает ее взглядом, не в силах сдержать восхищение.

— Думаю, пора, — нетерпеливо сказал Андреас. — Нас ждут.

Священник, в богато украшенной золотом ризе и высокой митре с искусной вышивкой, ждал у купели. Внушительная борода доходила ему почти до пояса. В руках священник держал золотой посох. Два диакона в более скромном облачении стояли по обе стороны от него и терялись на фоне величественной высокой фигуры настоятеля.

Трое главных участников церемонии двинулись по проходу. Анна в своем ярко-малиновом платье походила на цветущую розу, по сторонам от нее шествовали двое статных, аристократического вида мужчин в темных костюмах. И прежде отличавшиеся невероятным сходством, сегодня Андреас и Манолис казались зеркальным отражением друг друга.

Закутанный в белое кружево ребенок мирно посапывал на руках у Анны, пребывая в счастливом неведении относительно предстоящего испытания. Однако оно не замедлило начаться: малышку распеленали, обмазали освященным маслом, затем трижды окунули в купель, срезали с головы несколько прядок... После этого девочку вновь запеленали и, держа ее на руках, трижды совершили обход вокруг купели в мерцающем свете свечей. Голоса певчих, странные запахи, незнакомые лица и чужие руки были пугающими для малышки, что уж говорить о самом обряде крещения.

София не переставая плакала всю первую часть церемонии, поэтому гости смогли слышать разве что отдельные фразы из литургии. Девочка замолчала лишь в тот момент, когда Манолис надел на нее красивый золотой крестик — первый подарок крестного отца своей подопечной.

Анна не смогла сдержать улыбку. «Возможно, София тоже любит красивые украшения, — подумала она. — Совсем как я сама». Женщина надеялась, что Манолис заметил в ее ушах серьги — он подарил их ей на именины.

По традиции оставшуюся часть церемонии младенец проводит на руках у крестного отца. София больше не плакала, лежала смирно и не сводила глаз со своего *ноноса*, пока священник перебрасывал через плечо Мано-

лиса белоснежную ленту, завязав ее узлом, чтобы создать символический круг, соединяющий мужчину и младенца.

Обряд крещения занял не более полутора часов, после чего огромная толпа гостей вышла через большую двустворчатую дверь церкви на яркий солнечный свет. Всем хотелось поскорее покинуть душный храм и поздравить молодых родителей. Многие видели Софию впервые, и особенно не терпелось рассмотреть малышку поближе женской половине собравшихся. Они сгрудились вокруг Манолиса, который с гордостью держал ребенка на руках, не спуская с него восторженного взгляда.

— Карие глаза ей точно достались от отца, — утверждали некоторые из гостей.

— А волосы — от матери, — подхватывали другие.

— Да, кудри точь-в-точь как у Анны, — соглашались третьи.

— Она просто прелесть!

— Красотка, не то слово!

— Идеальный ребенок!

— Тьфу-тьфу-тьфу! — отвечал на это Манолис, поскольку считалось, что любой комплимент мог привлечь внимание дьявола, которого нужно было отвадить именно таким ответом.

Стоя в сторонке и уговаривая своего отца пойти с ними и выпить за здоровье внучки, Анна исподволь наблюдала за Маноли-

сом. Гиоргос отказывался от приглашения, поскольку всегда неловко чувствовал себя в присутствии Вандулакисов. И дело было не только в разном социальном положении обеих семей. Несколько лет назад супруга Гиоргоса Элени скончалась от проказы на острове Спиналонга. Петракисы никогда не упоминали об этом при Вандулакисах. Однако, когда ту же болезнь обнаружили у Марии, младшей сестры Анны, и девушка была вынуждена поселиться на Спиналонге, правда выплыла наружу. И хотя ради собственного достоинства и чести Вандулакисам пришлось пойти на уступки в отношении Анны, оставив молодую женщину в семье, свое презрение к ее отцу они скрывать не собирались и старались держаться от Гиоргоса как можно дальше.

Как только Гиоргос согласился ненадолго присоединиться к празднику, Анна просияла и тут же отошла прочь, готовая ехать домой.

Однако перед отъездом молодых родителей фотограф попросил их попозировать вместе с крестным на ступенях церкви для торжественного снимка на память. Анна, держа малышку на руках, встала между Андреасом и Манолисом. После фотосессии Андреас отвез Анну с Софией обратно в их имение, расположенное на высоких холмах Элунды. Из просторного и светлого дома, возведенного

среди оливковых рощ, открывался вид на земельные владения семьи Вандулакис, насчитывавшие несколько тысяч акров. И то была лишь небольшая часть их богатства.

С момента переезда к мужу Анна внесла значительные изменения не только в обстановку комнат, но и во внешний вид дома. Так, перед ним появилась терраса, на которой сегодня стояли стройные ряды столов, украшенных цветами и ломившихся от угощения. В центре каждого стола красовались бутылки с вином и крепким напитком раки. Под соседними деревьями команда поваров жарила на вертеле молодого козленка.

Вскоре начали прибывать первые гости. Они, никого не стесняясь, тут же принялись щедро наливать себе вина и накладывать на тарелки готовые закуски. Большинство присутствующих связывали с Вандулакисами деловые отношения, и складывалось впечатление, что они заслужили такое богатое угощение.

Вернувшись из церкви, Анна передала ребенка няне. Софья мирно спала, и будить малышку не было никакой необходимости — оставшаяся часть дня не требовала ее присутствия.

Гиоргос прибыл на праздник в числе последних и нервно оглядывал толпу в поисках хотя бы одного знакомого лица. Тут-то его и заметили брат и сестра Ангелопулосы —

Фотини была лучшей подругой младшей дочери Гиоргоса, Антонис работал в поместье Вандулакисов.

Лицо старика просветлело при виде молодых людей, идущих ему навстречу. Гиоргос частенько встречал Фотини, поскольку та работала в одной из таверн их родной Плаки, а вот Антониса он видел впервые за долгое время.

— Как поживаете? — искренне поинтересовался Гиоргос. — Вы оба так хороши, даже лучше прежнего!

— Да уж, — скептически ответила Фотини, ткнув брата в бок, — кое-кто даже слишком хорош, и добром это не кончится.

Антонис, без сомнения, был самым красивым мужчиной среди собравшихся. Его миндалевидные карие глаза восхищали всех без исключения еще с той поры, когда он мальчишкой бегал по деревне.

— И все никак не угомонится! — поддразнила брата сестра. — Это вполне могли быть крестины твоего первенца, но, похоже, девушки тебя совсем не интересуют.

— Фотини, ты же знаешь, что это не так, — добродушно возразил Антонис. — Просто я еще не встретил ту самую.

— Хорошая девушка стоит того, чтобы ждать, — понимающе закивал Гиоргос. — Недаром говорят: женился на скорую руку да на долгую муку.

Затем мужчины принялись обсуждать работу Антониса в поместье. Работа эта была не из легких, однако молодой человек хорошо справлялся с нею. Во время немецкой оккупации он храбро сражался в рядах Сопротивления и вернулся домой крепким и выносливым мужчиной. К физическому труду Антонису было не привыкать, и такая работа превратила его в настоящего красавца.

Вскоре к беседующим присоединился Манолис. За последние несколько лет они с Антонисом крепко сдружились и теперь стали неразлейвода. Поначалу Антонис относился к двоюродному брату хозяина с осторожностью, но в конце концов молодые люди обнаружили, что у них много общего, в том числе — страсть к музыке. Они часто играли вместе: Антонис — на деревянной флейте *тиаболи*, а Манолис — на лире.

Гиоргос поздравил новоиспеченного *ноноса*. Как и многим гостям церемонии, Гиоргосу казалось странным столь поразительное сходство двоюродных братьев. Оба были одинакового роста, под два метра, и сильно выделялись на фоне довольно низкорослых жителей Крита. У обоих высокие скулы, густые темные волосы. Возможно, нижняя челюсть у Андреаса была слегка тяжелее, но не эта особенность позволяла окружающим легко различать братьев. Шалопай и весельчак, Манолис постоянно хохотал и улыбался, и во-

круг глаз у него легли глубокие морщинки. Андреас же был довольно суров и угрюм, и будто под тяжестью невеселых мыслей его плечи слегка сутулились.

Вскоре начались танцы, и сперва музыканты заиграли *сиганос*, плавный и легкий танец, участвовать в котором могли как мужчины, так и женщины. На террасе дома Вандулакисов было достаточно места для того, чтобы сотня человек встала в круг. Как только первый круг составил, внутри его тут же образовался второй круг, а затем еще один и еще, пока не получилось четыре концентрических круга.

В оркестре играли десять музыкантов: двое — на лире, трое — на лютне *лауто*, еще двое — на гитаре и по одному — на скрипке, барабане и мандолине. Нежные и ритмичные звуки зачаровывали. *Сиганос* является медленным вступлением к другому греческому танцу, *пентозалису*, сложную схему которого знали на Крите даже дети. Едва слышав знакомую мелодию, они переставали беситься и вставали в круг ко взрослым, уверенно повторяя все движения, будто выучили их еще в утробе матери.

Как только большинство гостей увлеклись танцем, Гиоргос воспользовался моментом, чтобы уйти. Он вежливо попрощался с Вандулакисами и незамеченным покинул праздник.